

УДК 81.26
ББК 81.006

Р.А. Эльдарова

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО
«ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА»
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ТЕКСТАХ:
КОГНИТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

Рассматривается лингвокультурное пространство «человек – природа» с позиций установления его статуса в семиозисе культуры в целом, а также выяснения когнитивно-прагматических особенностей репрезентации его компонентов в художественных текстах. Когнитивно-прагматический потенциал художественного текста углубляется за счет введения в него художественных описаний природы, так как они всегда реализуют этические, эстетические и интеллектуальные возможности творческого субъекта.

Ключевые слова: *антропоморфизм, лингвокультурное пространство, когнитивная модель, семиозис культуры, когнитивно-прагматический аспект.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-2-139-146

Эльдарова Рузанна Алиевна – аспирант кафедры общего языкознания филологического факультета Адыгейского государственного университета
Тел.: 8-928-211-20-78
E-mail: кафедра436@mail.ru

© Эльдарова Р.А., 2016.

Современная лингвистика развивается в антропоцентрическом направлении, что позволяет, с одной стороны, рассматривать язык как когнитивный феномен, с другой, – изучать его с позиций отражения на всех уровнях культуры. Язык выступает как способ восприятия, интерпретации и консервации информации, лингвокультурно специфической и индивидуально значимой. Художественная литература обнаруживает в этом отношении особый интерес в эстетическом исследовании нравственной сути человека, его связи и конфликта с окружающим миром, природой. Образность и стилистика, присущая фольклорному и мифологическому наследию, оказывается востребованной и в современных художественных практиках.

Значения, известные всем представителям лингвокультуры, представляют собой продукты «означивающих практик», осуществляемых посредством языкового моделирования, обусловленного ситуативно. Общие лингвистические значения составляют основу механизма формирования культуры, а принадлежность к ней фиксируется тогда, когда с уверенностью можно говорить об интерпретации объективного мира одними и теми же языковыми способами, о таком выражении мыслей и чувств, которое способствует адекватному взаимопониманию её конкретных представителей.

Культура как многоуровневый феномен позволяет судить о примерно аналогичных моделях восприятия окружающей действительности, которые свойственны

её носителям. Понимание мира представителями конкретной лингвокультуры осуществляется с помощью «карты значений», которая манифестирована когнитивно, в сознании, и материально, в языке и моделях поведения. Способность личности к рецепции, пониманию и интерпретации объективной реальности осуществляется посредством сети «карт значений» и символов, культурно специфических.

Интеграция личности в конкретную лингвокультуру происходит в процессе овладения системой «карт значений» лингвокультурного пространства. С таких позиций определяющим оказывается фактор хронотопа рождения человека, так как объективный мир понимается им в системе конкретной культуры, а сама личность становится её продуктом в координатах традиций и обычаев, символов, общественных отношений, в конечном счете, значений.

Безусловно, культурные феномены интересубъективны [Майстренко, с. 8], так как продуцируются когнитивными усилиями более чем одного субъекта культуры. Система символов транслируется представителям лингвокультуры как некая общность, возникающая в результате объединения её компонентов посредством значений, приобретающих материальность вне индивидуального сознания представителей лингвокультуры именно благодаря интересубъективности [Кудакова, с. 14 – 15].

Лингвокультурное пространство структурируется для адекватного транслирования культурных смыслов как уже существующих значений и порождения новых, что осуществляется посредством текстов. Совпадение культурных кодов продуцента и реципиента позволяет осуществить первую функцию, в то время как вторая становится результатом полифонизма культуры. Такой подход позволяет исследовать текст не только как связующее звено для обмена информацией, но и как гетерогенный феномен, способствующий структурированию лингвокультурного пространства. Новое значение, продуцируемое текстом в процессе его эволюции, манифестирует взаимодействие языковых структур и, как следствие, активно осуществляет семиозис культуры в целом.

Объективная реальность находится вне координат культуры. Само приобретение знаний возможно только в процессе семиозиса, который всегда этноспецифичен. Следует особо подчеркнуть, что система значений объективной реальности не дана человеку *a priori*, а обуславливается конкретной культурой и воспроизводится в лингвокультурном пространстве. Разумеется, язык – динамическая система, в которой варьирующиеся значения приписываются объектам и событиям. Неограниченное количество вариантов значений, продуцируемых в процессе означивания реальности, составляет основу формирования лингвокультурного пространства. Со- и противопоставление лингвистических значений, составляющее важный компонент практического сознания языковой личности, позволяет ей осознавать себя в объективном мире.

Лингвокультурное пространство формируется как результат этноспецифической концепции мира. Язык, представляя собой многоуровневый феномен, определяет условия функционирования этого

пространства во всех сферах лингвокультурного сообщества, а также способствует активному взаимодействию людей, в том числе и путем классифицирования объектов действительности через их номинацию.

Взаимодействие языка и культуры мыслится в лингвокультурном пространстве как двунаправленный процесс: язык представляет собой высшую форму культуры, которая сама укоренена в языке своими доминантными смыслами. Язык, культура и национальный менталитет тесно связаны друг с другом; язык объективирует предметную и мыслительную деятельность человека, фиксируя её как факты культуры. В этой связи культура мыслится как «защита от природы», обеспечивающая возможность самосохранения человека в противостоянии её силам [Фрейд, с. 104].

Одним из наиболее ранних по времени возникновения способов решения этой задачи является «очеловечивание природы» [Фрейд, с. 105] путем мифологизации, что позволяет трактовать миф как «реагирование поэтической фантазии на природу» [Фрейденберг, с. 14]. В.Я. Пропп указывает, что основной целью обрядов и мифов является воздействие на природу [Пропп, с. 30]. Всё это позволяет утверждать наличие в структуре мифа не только особых, только ему присущих сюжетов (схем), персонажей и персонификаций в их взаимоотношениях, репрезентаций семейных и других связей, особенностей поведения индивидов, но и отражение природной среды, пространственного и временного континуума, функциональной специфики предметов быта. Совокупность этих компонентов позволяет мифу продуцировать новую «реальность» – мифологическую картину мира (МКМ), которая, в свою очередь, создает фундамент языковой картины мира (ЯКМ).

Идеоречечикл языковой личности трансформирует архаические мифологические образы в языковые знаки, которые включены в ассоциативные отношения и формируют ассоциативные представления, формирующие ЯКМ [Алефиренко, с. 7]. Эти знаки фиксированы в языковой системе и представляют собой основной источник информации о МКМ и типе культуры, который имеет мифологический характер. ЯКМ, сохраняя такие знаки, фактически «навязывает» представителям лингвокультуры представления, сложившиеся на архаическом этапе развития общества, что, в конечном счете, оказывает влияние на их рецептивно-интерпретативную деятельность, направленную на мир.

Лингвокультурное пространство «человек – природа» антропоморфно в своей вербализации, что обуславливает его мифологический характер и отражается в структурировании концептуальной и языковой картин мира. Антропоморфизм осуществляется, прежде всего, проекцией объектов концептуального поля «Природа» в концептуальное поле «Человек». Проекционные «наложения» в лингвокультурном пространстве «человек – природа» манифестированы на всех его уровнях, что позволяет утверждать, вслед за М. Мамардашвили: «антропоморфизмом пронизано все в нашем мышлении» [Мамардашвили, с. 152 – 153], подчеркивая наглядность представлений о мире. Поэтому олицетворение

(метафора персонификации) квалифицируется как базисная метафора, основной путь постижения окружающего мира, свойственного человеку [Кобозева, с. 138].

Лингвокультурное пространство «человек – природа», репрезентированное в художественных текстах, становится объектом лингвистического анализа, с тем чтобы «попытаться найти хотя бы некоторые закономерности субъектной организации, иными словами, выявить некоторые закономерности трансляции культуры, которая, как нам кажется, осуществляется прежде всего на субъектно-субъектном уровне» [Дуров, с. 132]. Лишь в очень редких случаях природа предстает в художественных текстах в беспристрастном и безоценочном описании, в то время как большинство таких фрагментов имеют антропоцентрический и / или антропоморфный характер.

Научная рецепция и адекватная интерпретация описаний природы и человека в ней в художественных текстах становятся одним из актуальных направлений развития современной лингвистики ввиду, прежде всего, отсутствия в них утилитаризма и реализации в таких фрагментах текстов эстетической когниции. Объективно существующая природа как внешнее, чуждое по сути, явление окружающего мира проходит через «ментальные сита» автора (термин Н.И. Жинкина), что становится условием её вовлеченности в процесс чувствования и оценивания.

Понятие «описание природы» представляет собой сложную совокупность разноуровневых явлений: таковы пейзажные описания, пейзажные образы, пейзажи-предварения, пейзажные «штрихи» и пейзажные «мазки», пунктирные пейзажные линии, пейзажные параллели, имеющие эпический и психологический характер. Гуманитарная научная парадигма приходит к закономерному выводу о важной роли природы в оформлении «лица этноса», в связи с чем Г.Д. Гачев полагает, что именно специфика природы определяет «образный арсенал национальной культуры (архетипы, символы), метафорика литературы, сюжеты искусства – все весьма стабильные» [Гачев, с. 27]. Прежде всего, такое положение дел детерминировано архетипическими представлениями о единстве человека и природы, животного мира. Длительное время животное сохраняет для человека свойства мерила «многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных» [Мокиенко, с. 92], что получает языковую экспликацию (половицы, поговорки, фразеологизмы, идиомы, афоризмы), находит отражение в произведениях устного народного поэтического творчества (сказки, эпос, предания, легенды и пр.), а также в архетипах и символах. Фольклорная и мифологическая традиции не утрачены и в наши дни, свидетельством чему являются национальные литературы.

Художественные тексты определенного этноса всегда содержат описания компонентов природы, что в целом свидетельствует об их вхождении в состав национальных ценностей, при этом конкретная национальная литература может быть охарактеризована с позиций выявления в ней набора устойчивых мотивов, способных отразить ее эсте-

тическое своеобразие. В этом отношении адыгейские художественные тексты представляют собой плодотворный материал для изучения.

Безусловно, важным в исследовательском отношении становится соотношение описаний природы в художественном тексте с образом автора (повествователя) и его речевым планом, однако природа одновременно становится и самостоятельным художественным образом, который способен углубить, истолковать образы персонажей, уточнить характер конфликта и его фон. Так, например, в 1930 – 1940-е гг. в эстетической когниции новый ракурс получают горы, что позволяет обнаружить новые маркеры лингвокультурного пространства в текстах. Стихотворение кабардинского поэта А. Кешокова «Кавказ» (1939) содержит описание горных рек, неукротимых ветров, выдержанное в привычном для пейзажной поэзии духе. Однако поэт обращается и к описанию картин современности:

А теперь иное
Глянь: под крутизною
У речной стремнины
Поднялись турбины [Кешоков, с. 31]

Антропоморфизм базируется на ассоциациях как ментальной основе; равноправным персонажем текста он становится при условии включения в план авторской модальности. Ассоциативные связи создают возможность наделения объектов пейзажа свойством маркирования значимых сфер деятельности человека и выявления мотивации его поступков.

Так, адыгейский поэт К. Кумпилов показывает своего лирического героя как человека, глубоко ответственного перед жизнью. В его стихотворении «Пока я живу» (1978) центральным образом становится дерево, которое глубоко уходит своими корнями в землю. Закономерно, что данная метафора отсылает читателя не только к адыгейской, но и к мировой культуре, поскольку мифология всех древних народов в качестве отправной точки развития мира выводит образ Мирового Древа. Но дерево срубают и топят им печь. В этом, на наш взгляд, состоит новаторское переосмысление данного символического образа: даже срубленное, дерево продолжает приносить свет и тепло. Человек, в понимании К. Кумпилова, также должен понимать, что своей жизнью он держит землю, как делает это дерево с помощью своих корней. Но, даже если приходит физический конец, человек понимает, что жил не напрасно: ведь дерево горит ярко, согревая и освещая окружающий мир:

Когда умру, пусть останусь деревом.
Чтоб светом над землей аула встать [Кумпилов, с. 57].

Вне всякого сомнения, описания природы в художественном тексте представляют собой как функционально-семантическую категорию, так и синтаксическую единицу, так как являются сложным синтаксическим

единством, обнаруживающим авторскую художественную стратегию, направленную на адекватную читательскую интерпретацию текста, что обуславливает их когнитивно-прагматическую значимость в целом.

Точкой отсчета, задающей направление рецептивно-интерпретативной деятельности читателя, становится личность автора / героя, которая репрезентирована маркерами эксплицитной / имплицитной авторской модальности. Именно авторская модальность, воплощающая субъективность автора, играет определяющую роль в создании описания природы, при этом этот субъективный характер находит отражение в кардинальных различиях, обнаруживаемых в пейзажах, созданных разными писателями и поэтами, но демонстрирующими в художественном тексте одно и то же природное явление. Эти различия фиксируются в оценочном и коннотативном планах художественных высказываний, а также в той прагматической функции, которую призвано реализовать описание природы, в авторской модальности и коммуникативных стратегиях, направленных на реципиента. Значит, описание природы в художественном тексте выступает как один из путей экспликации лингвокультурного пространства «человек – природа», с одной стороны, и как доминанта семантического пространства такого текста.

Важным компонентом лингвокультурного пространства в современных адыгейских художественных текстах становится мотив восхождения, имеющий обширный когнитивно-прагматический потенциал. Это то организующее начало, которое позволяет трактовать единство человека и природы как национально специфическую концептуальную метафору. Так, в поэтических текстах Ад. Шогенцукова восхождение, вершина, гора выстраивают единые когнитивные координаты для уточнения и углубления образа человека. Закономерно, что в стихотворениях поэта представлены также и живописные описания гор, которые, тем не менее, способствуют созданию целостного образа человека в природном лингвокультурном пространстве:

Стоят вершины в шапках снеговых,
Как нартских повестей богатыри.
На их хрустальных шлемах боевых
Играют краски утренней зари [Шогенцуков, с. 126].

На наш взгляд, лингвокультурное пространство закономерно демонстрирует явный приоритет образа и мотива восхождения и гор, поскольку адыги как нация формируются именно в координатах горного пейзажа. Кроме того, важно также и то, что обращение к описанию гор не теряет своей актуальности и в современной поэзии, что, безусловно, отражает современную тенденцию сохранения национальной самобытности.

Пейзажные описания способствуют активному взаимодействию авторских интенций, функционирования самого текста в пространстве культуры и лингвокреативной деятельности читателя. Рецептивно-интерпретативная деятельность, обусловленная восприятием художе-

ственных описаний природы, позволяет осуществлять динамическое наблюдение различных процессов в сфере ментальности, лингвистических компетенций, интеллекта автора текста. Важное значение для адекватной рецептивно-интерпретативной деятельности по отношению к художественным описаниям природы имеет также когнитивно-семантический потенциал конкретных лексических единиц, который позволяет на их основе моделировать и когнитивные структуры, например, концепты разного уровня сложности.

Литература и источники

Алефиренко Н.Ф. Язык – сознание – культура: проблемы взаимодействия // Язык и культура: докл. Третьей междунар. конф. «Язык и культура». Вып. 3. Киев, 1994.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Academia, 1998.

Дуров А.А. Методологические проблемы интерпретации эстетического субъекта в художественной прозе // Принципы и методы исследования в филологии : конец XX века. СПб.; Ставрополь, 2001. Вып. 6.

Кешоков А. Стихотворения и поэмы. М.: Гослитиздат, 1957.

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия 9. 2001. № 6.

Кудакова Е.Е. Интерсубъективность и диалог: Опыт экзистенциально-феноменологической характеристики отношения Я – Другой: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2002.

Кумпилов К. Миг вечности. Майкоп: Адыг. отд. Краснодарского кн. изд-ва. 1978.

Майстренко В.И. Социально-философский анализ воспитания как культурного феномена: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2009.

Мамардашвили М. Картезианские размышления. М.: Изд. группа «Прогресс»; «Культура», 1993.

Мокиенко В.М. В глубь поговорки: книга для учащихся. Киев: Радянська школа, 1989.

Пропт В.Я. Русская сказка: собр. тр. М.: Лабиринт, 2000.

Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева; пер. с нем. М.: Политиздат, 1990.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Наука, 1997.

Шогиенцук А. Избранное. Нальчик: Эльбрус, 1975.

References

Alefirenko N.F. Yazyk – soznanie – kul'tura: problemy vzaimodeistviya // Yazyk i kul'tura: dokl. Tret'ei mezhdunar. konf. «Yazyk i kul'tura». Vyp. 3. Kiev, 1994. S. Z-9.

Gachev G.D. Natsional'nye obrazy mira. M.: Academia, 1998. 430 s.

Durov A.A. Metodologicheskie problemy interpretatsii esteticheskogo sub»ekta v khudozhestvennoi proze // Printsipy i metody issledovaniya v filologii : konets KhKh veka. SPb.; Stavropol', 2001. Vyp. 6. S.131-137.

Keshokov A. Stikhotvorenija i poemy. M.: Goslitizdat, 1957. 232 s.

Kobozeva I.M. Semanticheskie problemy analiza politicheskoi metafory // Vestnik MGU. Seriya 9. 2001. № 6. S. 132-149.

Kudakova E.E. Intersub'ektivnost' i dialog: Opyt ekzistsentsial'no-fenomenologicheskoi kharakteristiki otnosheniya Ya–Drugoi: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Rostov n/D., 2002. 24 s.

Kumpilov K. Mig vechnosti. Maikop: Adyg. otd. Krasnodar. kn. izd-va. 157 s.

Maistrenko V.I. Sotsial'no-filosofskii analiz vospitaniya kak kul'turnogo fenomena: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Rostov n/D., 2009. 24 s.

Mamardashvili M. Kartezijskie razmyshleniya. M.: Izd. gruppа «Progress»; «Kul'tura», 1993. 352 s.

Mokienko V.M. V glub' pogovorki: kniga dlya uchashchihsya. Kiev: Radyanska shkola, 1989. 220 s.

Propp V.Ya. Sobr. trudov. Russkaya skazka. M.: Labirint, 2000. 416 s.

Freid S. Budushchee odnoi illyuzii // Sumerki bogov /sost. i obshch. red. A.A. Yakovleva: Perevod. M.: Politizdat, 1990. S. 94-142.

Freidenberg O.M. Poetika syuzheta i zhanra. M.: Nauka, 1997. 298 s.

Shogentsukov A. Izbrannoe. Nal'chik: El'brus, 1975. 355s.

Eldarova R.A. (Maykop, Russian Federation)

Linguacultural space “Man-Nature” in literary texts: cognitive and pragmatic approach

The magnitude of representation of nature images, the links to the author's mind, the hero, the reader can be considered in literary texts as one of the most important sources for identifying the parameters of the national picture of the world and the individually author's transformation of its components. Researches that identify patterns of functioning linguacultural spaces in the texts are able to give new results projected in the linguistic picture of the ethnic group of the world due to reflections in literary texts of archetypal, stereotyped images of peculiar linguistic culture and ethnic group as a whole as well as individually-copyright, which characterize a particular linguistic identity and its conception of the world. Cognitive paradigm of modern linguistics, anthropocentric in nature allows to consider culture as a process modeling language, which naturally highlights the problem of linguistic linguaculture of predetermined value. Great importance in this regard is the concept of space as linguocultural cognitive model of objective reality. Cognitive-pragmatic potential of a literary text is deepening due to the introduction the descriptions of nature, since they always implement the ethical, aesthetic, and intellectual abilities of the creative subject.

Key words: *anthropomorphism, linguacultural space, cognitive model, semiosis culture, cognitive-pragmatic aspect.*

Eldarova Ruzanna Alievna – post-graduate student of common linguistics dpt. Adygea State University. Phone: 8-928-211-20-78; e-mail: cafedra436@mail.ru